

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ XVIII ВЕКА

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

CULTURAL HERITAGE CONSERVATION IN THE 18TH CENTURY STATE POLICY CONTEXT

Аннотация. Автор показывает, что в XVIII в. культурное наследие стало использоваться как инструмент «сочинения истории» Российского государства. Основными направлениями деятельности государства в этой сфере в XVIII в. были следующие: учет архивных дел, исторических документов и рукописей, сбор и учет особенно ценных артефактов, контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую ценность. Однако система государственной правовой охраны культурного наследия России была сформирована позднее.

Ключевые слова: культурное наследие, государственная власть, государственная политика, политическая реформа церковно-государственных отношений, имущественное управление, правовая охрана.

Abstract. The author proves that in the 18th century cultural heritage began to be used as an instrument of making up the Russian state history. The main steps of the state in this direction were accounting of archival records, historical documents and manuscripts; collecting and recording valuable artifacts; controlling the restoration processes. However the system of state legal protection of cultural heritage was formed afterwards.

Key words: cultural heritage, state power, state policy, political reform of state-church relationships, property management, legal protection.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич издал указ «О подаче государю описных дел и счетных списков», предписывавший создать описи до 1 января 1681 г. под угрозой «опалы от великого государя» [13]. В некотором смысле, этот нормативный акт является предвестником реформ Петра I, нацеленных на построение «регулярного государства», немислимого без порядка в сфере административного делопроизводства.

Вместе с тем политическая компонента в практике охраны исторического и культурного наследия впервые отчетливо прослеживается только в Указе Сената от 20 декабря 1720 г. В соответствии с ним во всех монастырях страны должны были быть проведены инвентари-

зационные действия с целью изъятия древних грамот, «куриозных писем», рукописных и печатных книг, имевших историческое значение [18], о чем подробнее речь пойдет далее. Именно с 1720 г. в России последовательно осуществлялись учет и изъятие государством хранившихся в храмах и монастырях исторических ценностей, прежде всего древних летописей и других рукописных документов. И эту практику важно рассматривать не как спорадическое нормотворчество, а как деятельность, осуществлявшуюся в связи с задачей «устроения» новой российской государственности. В свете этого обстоятельства открывается, что установление государством контроля над частью имущества Церкви осуществлялось, помимо прочего, с целью его дальнейшего использования в построении идеологии абсолютной монархии европейского образца. Для этого требовалось – впервые в политической истории России – изучить и идеологически оформить государственную историю¹.

Показательно в этом отношении, что внимание субъекта государственной власти было обращено, в первую очередь, на хранящиеся в монастырях и церквях исторически значимые документы. По Указу Сената от 20 декабря 1720 г. монашеству и духовенству необходимо было «во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, смотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также книги исторические и печатные» [18]. Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось их собрать и прислать в Сенат [18]. 16 февраля 1722 г. также последовал именной указ, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод» [15].

Политические действия по оформлению государственной истории имели вектор направленности не только в прошлое, но и в бу-

¹ Впоследствии каждая смена политического режима в России сопровождалась такой «инвентаризацией истории» с целью ее идеологического «переоформления».

дущее. Эта задача не была кодифицирована, но осуществлялась в Петровское время вполне последовательно: преемники государственного курса должны были унаследовать упорядоченную и идеологически весомую историю, а также государственные архивы, находящиеся в «добром» состоянии. Поэтому большое внимание уделялось административному делопроизводству и архивному делу. 21 января 1726 г. Сенат издал указ «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве в добром охранении и порядке». Архивариусам предписывалось столбцы переписать в тетради, а оригиналы «более никому из Государственного архива не иметь, а содержать их для справок в сохранном месте» [19].

Инициатива государства по установлению учета и контроля над церковными книгами, документами и иными ценностями может и должна рассматриваться в контексте всей государственной политики Петра I. Одним из ее приоритетных направлений было также «преобразование строя» церковной жизни, в результате которого институт церкви занял особое, заранее определенное государем место в политической системе новой России.

Достижение этой цели было связано с решением нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо было «освободить духовенство от крайнего увлечения экономической стороною и обратить его к прямым, духовным делам; во-вторых, восстановить церковную дисциплину, в-третьих, поднять церковное просвещение» [8, 23]. В контексте решения этих проблем осуществлялись и практические управленческие действия по установлению государственного контроля над частью церковных ценностей. В каждом из этих действий прослеживается прямая связь с общими направлениями реформирования церковно-государственных отношений. Рассмотрим эти направления реформирования.

Освобождение духовенства от крайнего увлечения экономической стороною и обращение его к прямым, духовным делам.

Указы Петра I и Сената, в которых предписывалось осуществить учет и изъять часть

церковных ценностей, были нацелены, в первую очередь, на установление государственного контроля над частью церковного имущества. Современники реформ отмечали, что «преобразования начались со стороны имущественной, экономической, а затем охватили всю церковную жизнь» [8, 25].

Государственная имущественная политика носила исключительно прагматичный характер, поскольку в первые годы царствования Петра I государство отчаянно нуждалось в деньгах для ведения войн и осуществления намеченных преобразований. Документы и современники свидетельствуют: «Чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных, и с раскольников» [8, 26]. У монастырей и архиерейских домов, кроме земельных вотчин, «взяты были разные уголья, рыбные ловли, звериные промыслы, мельницы, кабацкие и таможенные сборы, свободные запасы хлеба, денег, меди, старые деньги, серебряная посуда, свечные деньги, привесы с икон, церковные здания» [12, 272]. Установление контроля над частью особенно ценного церковного имущества осуществлялось, прежде всего, с целью пополнения доходов казны: государству необходимо было «взять от церковного имущества в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» [8, 48].

Вместе с тем откровенные и многочисленные злоупотребления в сфере внутреннего управления церковным имуществом создавали веские основания для вмешательства государства в эту сферу. Памятный в истории Петровского времени «прибыльщик» Курбатов, имевший специальное поручение «изыскивать прибыли» для государевой казны, писал Петру о том, что «покойному патриарху трудно было за всем смотреть, что в духовном управлении большие беспорядки, что по части распоряжения церковными имуществами «во всем очень слабо и несправно и поступающие большие доходы

«погибают в прихоти владельцев», что единственная в Москве духовная школа в полном расстройстве» [8, 36]. Таким образом, под предлогом того, что «монастырское достоинство, достигшее в течение веков огромной ценности, уплывало без надлежащей пользы для церкви» [1, 21], государством последовательно устанавливался контроль над частью церковного имущества, которое в дальнейшем использовалось как ресурс проведения государственной внутренней и внешней политики.

Поводом для вмешательства в имущественное управление служило и то, что институт церкви публично проявлял неспособность охранять свои реликвии. Храмовые здания ветшали, не ремонтировались, церкви уничтожались или стихийно перестраивались. Фрески и иконы «записывались», подвергаясь тем самым безжалостному уничтожению. Ссылаясь на недопустимость такого положения вещей, 11 мая 1722 г. Петр I издал Указ, в котором содержалось строгое написание духовенству и предписывалось «городские древние каменные храмы починять, а новые воздвигать исключительно по рассмотрению Синода» [17].

Существовали и свидетельства о святотатстве, фактах посягательства на церковные реликвии, не получивших должного отпора со стороны церковных властей. Так, в 1720 г. в Москве один плотник-изувер ударил дубиной в образ Богородицы [9, 108]. В 1708 г. в Москве явился вор, пытавшийся «обругать святой образ», стоявший на Каменном мосту. В 1738 г. из Архангельского Собора Московского Кремля были украдены оклады и драгоценные камни с икон [11, 20]. Церковь не могла уберечь свои реликвии ни от расхищения, ни от воровства, что было использовано как повод для государственного вмешательства.

Восстановление церковной дисциплины.

Формы массовых нарушений церковной дисциплины не исчерпывались пьянством и мздоимством. С. Соловьев пишет: «Встречались среди архиереев и такие лица, которые давали основание осуждать их за мздоимс-

тво и неправду, позволяли себе зашибить своеручно на молебне человека до крови, употребляли в отношении к провинившимся битье обнаженных плетью, сажание на цепь с оставлением без пищи и тому подобные приемы «градской казни» [10, 737].

Духовенство было замечено в нелояльности царской власти, даже в посягательствах на равный государю авторитет. Среди архиереев попадались такие, «которые ревновали о вельми жестокой славе», «давая предлог упоминать о стремлении их к чести, «равной царской» [8, 55]. Кроме того, все протесты против Петровских реформ, самые ожесточенные, «когда Петра изображали антихристом, а его время – последними днями перед кончиною мира, возникали на почве церковной жизни, и если не всегда исходили от лиц духовной иерархии, то развивались, несомненно, при их значительной поддержке» [8, 56].

Митрополит Стефан (местоблюститель патриаршего трона) несколько раз открыто противопоставлял интересы церкви интересам и задачам государства, пытаясь саботировать некоторые решения монарха. Когда в 1718 г. вышло распоряжение набрать из детей церковников 500 человек, по возможности грамотных, в адмиралтейские плотники и Стефану «отписано было для ведома, чтобы по всей Псковской губернии до окончания этого набора не посвящал никого в духовный чин» [8, 46], Стефан написал на извещении: «Буди указ великого государя не переменным о том, чтобы из церковников избирать в плотники, а что не посвящать в попы, идеже самая нужда требует, сему делу несть должно быти» [2, 49].

Таким образом, «восстановление церковной дисциплины» должно было пониматься в самом широком смысле – как восстановление отношений власти-подчинения между государством и церковью (представителями государственной власти, с одной стороны, и духовенством – с другой). Установление властной вертикали в имущественных отношениях было нацелено на решение и этой задачи.

Поднятие на должную высоту церковного просвещения.

Невежество духовенства носило подчас вопиющий характер. «В пастыри народа попадали сельские невежды, которые и скота пасти не умели», а «монастырское ученье, оказавшее в древней Руси неоценимые услуги просвещению, <...> теперь в монастырях едва ли не отошли в область воспоминаний» [8, 54]. Соответственно, изъятие церковных книг следует связывать и с реформированием системы государственного образования.

Определение места и новой роли института православной церкви в новой – имперской – системе российской государственной власти и государственного управления в Петровский период было оформлено созданием Святейшего правительствующего Синода – духовной коллегии.

Однако еще ранее государством проводилась мощная экспансия в сферы, которые несколько веков были под управлением церкви. Решая задачи исторического масштаба, государство в прямом смысле «вторглось» на территорию монастырей и церквей с целью нахождения предметов древности. Исполнители государственной воли были наделены значительными полномочиями. Для исполнения указа от 16 февраля 1722 г. из Синода в монастыри посылались нарочные, которые должны были проинспектировать монастырские архивы и библиотеки, выявить древние рукописи, церковные и гражданские летописи, степенные книги, хронографы, «забрать таковые» и направить их для переписи в Синод.

Когда была осознана опасность, что предметы, имеющие имущественную, историческую или художественную ценность, могут быть утеряны, в соответствии с Указом Петра I от 20 апреля 1722 г., были назначены первые государственные экспертные советы – «знающие люди». Они должны были осматривать старинные вещи и «выявлять все старое и курьезное» для последующей транспортировки ценностей в Сенат [16]. Обер-прокурору Баскакову, князьям Одоевскому и Плещееву Указом от 12 февраля 1722 г. [14]

было предписано проверить даже патриаршую ризницу «в каком состоянии все находится» и «буде чего иные налицо не явятся, того спрашивать на тех людях, у кого было на руках». В результате работы экспертов в числе привесов к иконам было обнаружена монета, относившаяся к эпохе Киевской Руси.

Что касается духовенства, монашества и института Церкви в целом, от них требовалось не столько содействие, сколько непотворение государственной политике. Государь и его идейные сподвижники полностью отдавали себе отчет о том, что имела реальная опасность саботажа монаршей воли со стороны церковных властей. Недоверие царя к иерархам косвенно подтверждается текстом Указа Петра I, в котором духовенству предписывалось не просто содействовать нарочным, посланным выявлять древние рукописи, но и исполнять Указ «без всякой утайки» [15]. Действительно, существует довольно много документальных свидетельств о чинимых государственным комиссиям препятствиях. В этом отношении, Петр «на каждом шагу имел бесчисленное множество случаев убеждаться в том, что оппозиция против его действий в сфере церковной может быть и гораздо более сильной, и гораздо более опасной» [3, 3], чем ожидалось [8, 46].

Ответом на сопротивление государственной воле стало ужесточение мер и введение санкций за их саботаж. Указ Синода от 26 мая 1725 г. предписывал представить в Синод ведомости о привесах, снятых с икон, а также о старинных «замечательных вещах». Кроме того, Указ запрещал управителям монастырей снимать оклады с икон, для нарушителей предусматривал штрафные санкции [22].

Наследники Петровского императорского трона проводили преемственную Петру политику. Уже в XVIII в. стали оформляться научные подходы к охране культурных ценностей. Одно из первых проявлений интереса научной общественности к памятникам старины относится к 1759 г. Им стало издание определения Академии наук о сборе исторических и географических сведений для «Атласа Российского». Эта деятельность,

осуществлявшаяся по инициативе М.В. Ломоносова, графа К.Г. Разумовского и Я. Штелины, подразумевала необходимость сотрудничества Академии со Св. Синодом. Синод должен был собрать сведения о монастырских и церковных зданиях и сооружениях и предоставить Академии «копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» [23]. Последняя формулировка целей работы – «сочинение Российской истории» – представляется нам исключительно важной для понимания целей и задач всей последующей государственной политики в сфере охраны культурного наследия.

Помимо учета архивных дел, исторических документов, рукописей, во второй половине XVIII в. государством стал контролироваться сбор «куриозных» и особенно ценных предметов. Интересно, что в категорию «важного курьеза достойных» были включены изделия, изготовленные собственноручно Петром I (крест и паникадило, находившиеся в Петропавловском Соборе), поэтому в 1733 г. императрица распорядилась описать эти предметы и предупредить духовенство о необходимости «иметь их в крайнем бережении», «чтоб никакого повреждения учинено не было». Монаршая воля была продублирована Распоряжением Св. Синода на этот счет [7]. Наше внимание обращает на себя то обстоятельство, что фактически впервые в истории России вполне отчетливо, хотя и не вполне осознанно со стороны субъекта волеизъявления, культурное наследие рассматривалось как один из инструментов оформления образа монарха, всей системы императорской власти и тех лиц, в которых она непосредственно воплощена.

В XVIII в. начал осуществляться государственный контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Однако обращает на себя внимание избирательное отношение государственной власти к объектам культурного наследия. Особой – высочайшей – опеки были удостоены, в первую очередь, храмы и

ризницы Московского Кремля. В 1743 г. императрицей Елизаветой была также проявлена «адресная забота» о Золотых воротах Киева: она приказывала не ломать, а напротив, отремонтировать памятник [4, 14-16]. Не вызывает сомнений, что не столько художественная ценность Кремлевских соборов и их внутреннего убранства, сколько историко-символическое значение Кремля и Киева в «написании истории» Российского государства является главной причиной «особого» отношения к ним государственной власти. В этом отношении показательно, что в отношении храмовых построек провинциальных городов 30 апреля 1759 г. был издан Сенатский Указ «О дозволении разбирать ветхие крепости и употребить кирпич на починку казенных церквей и богаделен» [21].

Таким образом, в XVIII в. были заложены основы государственной политики охраны культурного наследия. Были очерчены ее основные цели и задачи: культурное наследие выступало в ней как один из инструментов «сочинения Российской истории» и государственностроения. Основными направлениями деятельности государства в этой сфере в XVIII в. были следующие: учет архивных дел, исторических документов, рукописей, сбор «куриозных» и особенно ценных предметов, контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Вместе с тем нельзя не признать, что в XVIII в. еще «не существовало системы государственной правовой охраны культурного наследия России, <...> не существовало нормативных правовых актов, определяющих правила содержания исторических редкостей» [5, 65].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868. 45 с.
2. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб: Летний сад; Коло, 2001. 799 с.
3. Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.
4. Комарова И.И. Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М., 1989.
5. Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана культурного наследия России во второй половине XX века. М.: Закон и право. 2001. С. 65.
6. Определение Синода «О порядке хранения в ризницах редких церковных вещей» от 28 октября 1775 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее ПСПиР) (1773-1784). Т. 2. 1915. № 810.
7. Определение Св. Синода «Об описании креста и паникадила, собственноручной работы Петра I, поставленных в Петропавловском соборе, а также прочих вещей, которые будут пожалованы в этот собор императрицей, и об отдаче их под особое хранение соборному протопопу с братией» от 11 июля 1733 г. // ПСПиР. Т.8 (1733-1734), 1898. №2276.
8. Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721-1725 гг.) // История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. 435 с.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1884. Т. XXXIV.
10. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. 768 с.
11. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII- начала XX вв.: Сборник документов / В.С. Дедюхина, С.П. Масленицына, Л.В. Шестопалова, Л.И. Лифшиц, Н.А. Потапова. М., 1997. 480 с.
12. Терновский Ф. Митрополит Стефан Яворский. (Биографический очерк) / Труды Киевской духовной академии. Киев, 1864. Т. I.
13. Указ именной, объявленный разным приказам памятьми «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) I. Т. 2. № 842.
14. Указ именной, объявленный князем Меншиковым Сенату «Об отдаче Соборных церковных уставов и ризниц из Патриаршего дома в Синод и об отдаче серебряных вещей на денежные дворы весом» от 12 февраля 1722 г. // ПСЗ I. Т. 6. № 3907.
15. Указ именной, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Мос-

- кву в Синод» от 16 февраля 1722 г. // ПСЗ I. Т. 6. № 3908.
16. Указ Петра I «О посылке в монастыри знающих людей для разбора на иконах привесов, с тем чтобы находящие в числе их хорошие камни, монеты и другие старые вещи были представлены в Св. Синод» от 20 апреля 1722 г. // ПСПиР. Т. 2 (1722). № 582.
  17. Указ Петра I «О разрешении починять и вновь строить каменные церкви с дозволения Св. Синода» от 11 мая 1722 г. // ПСПиР. Т. 2. (1722). 1872. № 662.
  18. Указ Сената вследствие именного «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г. // ПСЗ I. № 6. №3693.
  19. Указ Сената «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве и о переписке столбцов Вотчинной коллегии в тетради» от 21 января 1726 г. // ПСЗ I. Т. 7. № 4823.
  20. Указ Сената «О исправлении в городах каменных зданий без отлагательства, коль скоро замечена будет ветхость» от 24 июня 1745 г. // ПСЗ I. Т. 12. № 9180.
  21. Указ Сената «О дозволении разбирать ветхие крепости и употреблять кирпич на починку каменных церквей и богаделен» от 30 апреля 1759 г. // ПСЗ I. Т. 15. № 10949.
  22. Указ Св. Синода «О предоставлении ведомостей о привесах, снятых со святых икон, и о старинных замечательных вещах, доставленных из епархии, монастырей и церквей, и о воспрещении впредь снимать со святых икон и прочее церковное имущество» от 26 мая 1725 г. // ПСПиР. Т. 5. (1824). №1555.
  23. Указ Синода «О присылке планов в Синод на монастырские и церковные здания» от 19 июля 1759 г. // ПСЗ I. Т. 15. № 10975.